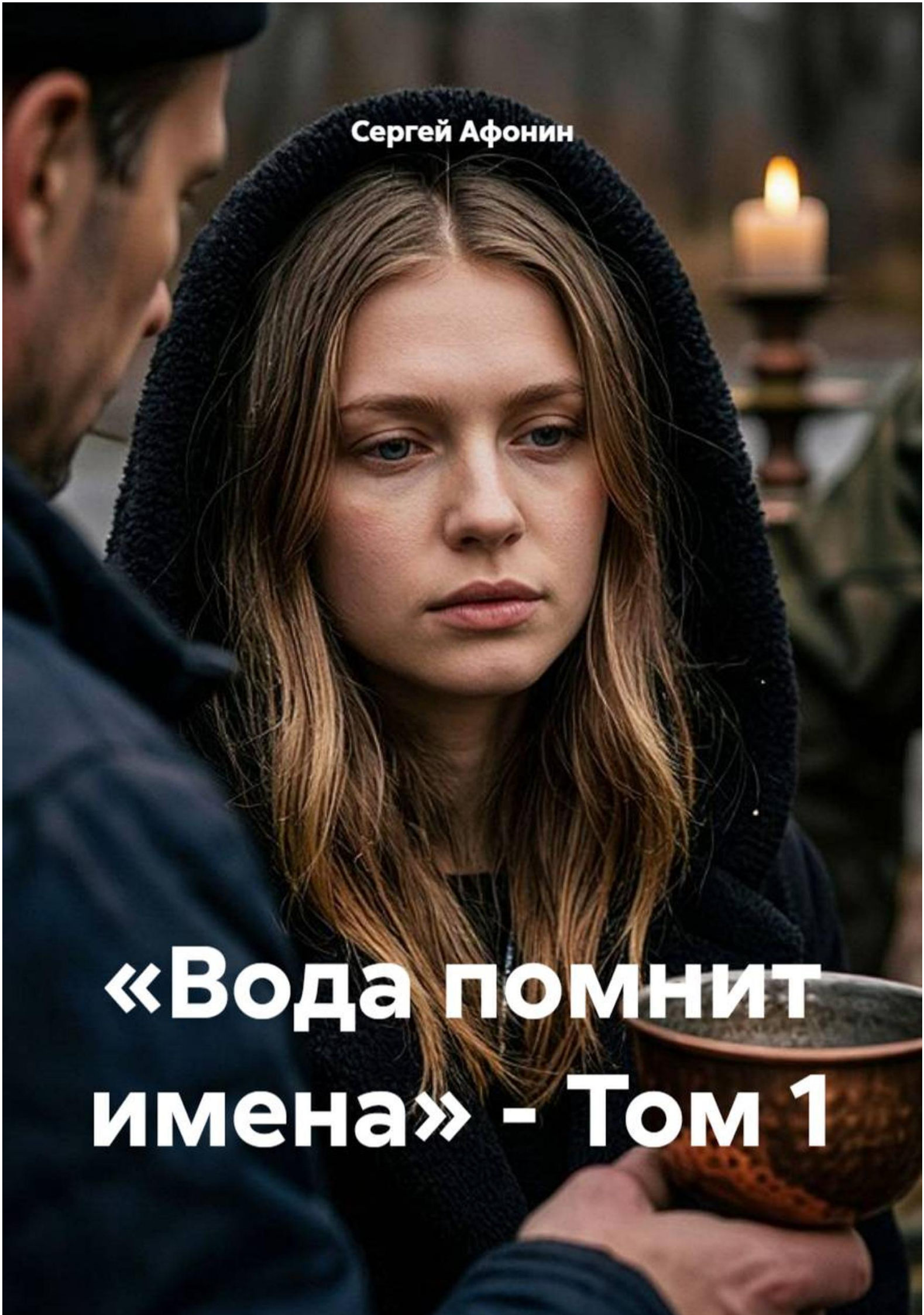

Сергей Афонин

«Вода помнит имена» - Том 1

Сергей Афонин

«Вода помнит имена» - Том 1

«Автор»
2026

Афонин С.

«Вода помнит имена» - Том 1 / С. Афонин — «Автор», 2026

Когда Ксения Шуева вытаскивает мальчика из промоины на Оке, река впервые произносит её фамилию.С этого дня вода отвечает ей — но за каждую просьбу выставляет счёт, забирая воспоминания.Медная чаша из семейного дома и старый человек, десятилетиями слушающий мостовую, открывают Ксении тайну: под городом спит древняя сила, а строительство нового моста тревожит её сон.Чтобы спасти людей на ночной стройке, Ксении придётся решить, какую часть собственной жизни она готова отдать реке.Но у глубины есть и другие наследники — и не все хотят её успокоить.

© Афонин С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Сергей Афонин
«Вода помнит имена» - Том 1

Глава 1

Вода помнит имена.

Промоина

Февраль над Окой стоял серый, как немытая сталь, и лёд на Стрелке гудел — низко, вполуха, будто река ворочалась во сне и скрипела ложем.

Ксения Шуева услышала этот гул ещё с водной станции, через два километра ветра. Она сказала об этом напарнику, Лёхе, и тот пожал плечами:

— Сваи бьют. На мосту вон, видишь, копёр стоит с понедельника. Третий год обещают к олимпиаде какой-нибудь, ага.

Сваи. Ксения посмотрела на стройку нового моста — жёлтый копёр над понтонами, буравчик, ругающиеся люди в оранжевом. Сваи били в ложе реки с самого понедельника, и с понедельника же река была неспокойной: утренние льдины у Стрелки шли против течения, мелко, упрямо, как люди, которые забыли, зачем вышли из дома.

— Не в ритм, — сказала Ксения.

— Что?

— Сваи бьют не в ритм гулу. Гул раньше удара приходит.

Лёха открыл рот, чтобы сказать что-то про пересменок, и тут радиостанция на столе ожила — с треском, с чужим перекошенным голосом:

— Всем постам. Стрелка, набережная, у самой кромки. Провалился ребёнок. Промоина, метра четыре на четыре. Кто ближе?

Они были ближе.

Люди на льду стояли полукругом и не подходили. Ксения знала этот полукруг: все смотрят, никто не лезет, потому что лёд у промоины ломкий, и правильно, что не лезут, — но от этого полукруга всегда пахло виной.

Мальчика она увидела сразу. Восемь лет, девять — в чёрной воде белое лицо и варежка, одна, вторая уже уплыла. Он не кричал. Тонущие почти никогда не кричат — вода забирает голос первой, это Ксения знала лучше многих: четыре года матросом на буксире, три года на станции, двадцать один человек, вытащенный живым, и четверо — которых она не считала вслух никогда.

— Страховку! — Лёха уже тянул к ней конец.

— Некогда. Он под кромку уходит.

Она сказала это спокойно, потому что в ЧП Ксения Шуева всегда становилась спокойнее, а не горячее, — и легла на лёд грудью, распласталась, поползла. Лёд под ней гудел. Гудел в ладони, в локти, в скулы. Гул был раньше ударов копра, и он был — она услышала это краем мозга, занятого другим, — он был как голос, который собирается сказать слово и пока только набирает воздух.

— Мальчик! — крикнула она. — Смотри на меня. Смотри на меня, говорю!

Он посмотрел. Глаза уже стекленели.

Она нырнула без страховки, потому что страховка — это тридцать секунд, а у него было десять.

Под водой было не темно. Под водой было чёрно, и это разные вещи.

Холод ударил её не как холод, а как обвинение — сразу во все тело, в зубы, в нёбо. Февральская Ока брала тепло не по капле, а пригоршнями. Ксения выдохнула половину воздуха — правило, которому её учили ещё на буксире, — и пошла вниз и вбок, туда, куда течение под льдом должно было снести ребёнка.

Она нашла его по варежке. Оставшейся. Она ухватила капюшон, рукав, потом запястье — маленькое, уже вялое, — и потянула к промоине, к светлому пятну наверху, которое было дальше, чем она рассчитала.

Течение тянуло вниз.

Это было неправильно. Течение у промоины всегда норовило утащить под кромку, вдоль, но не вниз — а здесь река тянула именно вниз, ровно и терпеливо, как тянут рукав человека, который хочет что-то показать.

«Отпусти», — сказала Ксения беззвучно, потому что говорила с рекой вслух, когда была одна, — привычка, дурная, буксирная, — и река ответила.

Голос пришёл не в уши. Он пришёл в кости, в старые шрамы на предплечьях, в воду, которая вдруг перестала быть чёрной и стала — говорящей.

«Шуева», — сказала река.

Голос был собран из стука льда и плеска и чего-то ещё, чего Ксения не знала, — и он был женский, и он был её бабкин, и одновременно — не бабкин, а старше, глубже, и в нём было столько слоёв, что они не помещались в голове.

«Шуева. Шуева. Шуева».

Она поняла — потом, уже на берегу, — что это была одна фамилия, сказанная много раз подряд разными голосами: от какой-то прабабки, которой она не знала, через бабку, которую помнила мокрой после мытья полов, к ней самой. Линия. Вся линия, как бусины, которые река перебирала по одной.

Страха не было. Должен был быть — она отметила это профессионально, как отмечала всё под водой, — а не было. Было ощущение, что её узнали. Что она пришла домой в дом, которого не помнила, и дверь открылась раньше, чем она постучала.

А потом река сказала ещё одно слово — и этого слова она потом не могла вспомнить ни в какой тетради, хотя записывала всё, — и течение повернуло.

Оно подхватило её и мальчика, развернуло, как переворачивают страницу, и вынесло к светлому пятну промоины — не дало выбраться, именно вынесло, бережно и сильно, как вынесло бы своё.

Ксения вытолкнула мальчика на лёд. Лёха и ещё двое подхватили его, потащили, и тогда Ксения ухватилась за кромку сама — и кромка не обломилась. Лёд у промоины не держит никого. Он держал её.

Она выбралась, легла на лёд рядом с промоиной, смотрела в серое небо и дышала так, будто впервые в жизни училась.

— Ксень. — Лёха над ней был белый, как это небо. — Ксень, ты там четыре минуты была. Я конец отпустил, я думал — всё.

— Живой? — спросила она.

— Мальчик-то? Дышит. Откачиваем. — Лёха сглотнул. — Ксень. Там течение такое, что тебя должно было под Стрелку утащить. Там никто не выбирается, ты сама мне это втолковывала полгода.

— Значит, считали неправильно, — сказала Ксения и подумала: шуева-шуева-шуева, — и у неё наконец появился страх, отложенный, как всё у неё было отложенное: он придёт позже, она знала, как это бывает.

Мальчика увезли. Её отчитали, записали в журнал, наорали — начальник смены ругался, что без страховки, — и к вечеру всё стало почти обычно: рапорт, чай из чашки с отбитой ручкой, которая была единственной «рабочей посудой», которую она признавала.

Только вода в чашке не стояла ровно.

Ксения заметила это, когда осталась одна в бытовке. Вода в чашке — обычная, из кулера, кипячёная дважды, — шла мелкими кругами, будто кто-то дул на неё снизу. Ксения подула сама — круги не совпали с её дуновением. Она поставила чашку на стол и посмотрела на неё долго, как смотрят на прибор, который показывает невозможное.

— Так, — сказала она вслух. — Это я ещё не расследовала.

Дома, в Канавине, над протоками, отец уже спал перед телевизором. Ксения прошла на кухню, открыла кран — и замерла.

Вода шла из крана тонкой струёй, и на последних сантиметрах перед раковиной струя заворачивалась к ней. Не вниз. К ней. На два пальца в сторону, против всего, чему её учила физика за восемь классов и четыре года буксира.

Она закрыла кран. Открыла. Завернулась снова.

Ксения стояла над раковиной, мокрая ещё от Оки, пахнущая февралём, и слушала, как где-то далеко, за окном, за протоками, за льдом, гудит река — раньше ударов копра, ниже слуха, — и пробует её имя на вкус, как пробуют слово, которое сто лет не произносили вслух.

Ночью ей снилась чёрная вода и голос, перебирающий фамилии. Под утро она проснулась от того, что вода в стакане у кровати — она всегда ставила стакан — дрожала мелкой рябью, хотя в доме ничего не ходило и не стучало.

— Я не сошла с ума, — сказала Ксения комнате. Комната не ответила. Река — та за окном — отозвалась далёким, терпеливым гулом, и в этом гуле было ожидание, как у человека, который уже написал письмо и теперь ждёт ответа.

Она не знала ещё, что письмо уже доставлено. И что за доставку — как за всё на свете — выставят счёт.

Утром следующего дня она пошла на Стрелку пешком, до смены, в мороз, который жёг щёки.

Промоину она нашла сразу — по цепочке следов и втоптанному вчерашнему снегу. Только промоины не было. На её месте лежал ровный молодой лёд, гладкий, толщиной — она присела, постучала костяшками, как делал когда-то дед, — толщиной с хорошую ладонь.

Так лёд не зарастает. За ночь, в феврале, над течением — не зарастает.

Ксения стояла над вчерашней чёрной водой, закрытой ровной коркой, как рана, которую кто-то аккуратно зашил, и у неё было два объяснения: ноль и ноль. Она была спасателем; она знала реку как рабочее место, и река вчера нарушила все свои правила, чтобы её выпустить.

— Спасибо, — сказала она льду негромко, потому что была воспитана бабкой, которая говорила «спасибо» печке и «здравствуй» дому, и только потом сообразила, что это — первое слово, которое она сказала реке, зная, что река слышит.

Лёд отозвался. Не гулом — тонким, почти неслышным звоном, который поднялся снизу, сквозь воду, сквозь лёд, и встал у неё в подошвах, как встаёт тепло от плиты.

Ксения ушла быстро и не оглядывалась. Оглядываться — это уже участвовать.

К вечеру приехала мать мальчика. Она пришла на станцию с сумкой, в которой были мандарины и коробка конфет, и долго не могла начать говорить, а Ксения не умела — никогда не умела — быть на таких разговорах благодарностью.

— Врачи сказали, ещё минута, — сказала женщина. — Он говорит, тётя под водой его за руку держала, а вода её отпустила. Он так и говорит: «вода её отпустила». Это он бредит, да?

— Он глотнул, у него кислорода не было, — сказала Ксения. — Дышите вы дома паром, мандарины ему можно.

— А вы верите, что река… — женщина запнулась, потому что сама не знала, что хочет спросить.

— Я верю, что ваша Настёна варежку ему вторую свяжет, — сказала Ксения. — Одна у него осталась. Утонула.

Женщина ушла, а Лёха, который молчал весь разговор, сказал ей в спину аккуратно:

— Варежку. Он, когда очнулся, первое слово — «варежку отдайте тёте». Ты откуда знаешь, что она утонула? Ты ж под водой была в темноте.

— Почувствовала, — сказала Ксения, и это была чистая правда, и от этой правды у неё внутри стало холодно по-новому, не по-февральски.

Вечером отец ждал её с супом. Отец — Андрей Шуев, слесарь мостового хозяйства, шестьдесят один год, пьющий ровно столько, чтобы оставаться добрым, — поставил перед ней тарелку и сел напротив.

— По телевизору показали, — сказал он. — «Спасательница, рискуя жизнью». Я подумал: ну конечно, моя.

— Пап.

— Я не ругаюсь. — Он повертел ложку. — Ты вчера подо льдом что-нибудь… слышала?

Вопрос был странный, и задали его странным голосом — тем, которым отец говорил раз в пять лет. Ксения подняла глаза.

— А что я должна была слышать?

— Я не знаю, что ты должна была. — Отец смотрел в тарелку. — Твоя бабка, когда пила — а она пила два раза в жизни, на свадьбе и когда дед умер, — говорила: Шуевы из Оки всегда выходят. Все, кто тонул, — выходили. Я думал, бахвалится. — Он помолчал. — Она же, когда ты маленькая была, тебе чашу нашу не давала мыть. Помнишь? Медную, из серванта. «Эту чашу не мой». Ты её один раз помыла — у тебя три ночи вода снилась, ты мне сама рассказывала.

— Пап. Это просто чаша.

— Просто чашу моют, — согласился отец. — А эту — три поколения не мыли, и я тебе сейчас скажу страшную вещь: я не знаю почему. Мне мать не объяснила, ей — её мать. Просто — не мой, и всё. Стоит себе под компотницей.

Ксения посмотрела через стену — туда, где в зале стоял сервант, тёмный, лакированный, с компотницей и хрусталём, которым никогда не пользовались.

— Я завтра её достану, — сказала она.

— Зачем?

— Посмотреть.

Отец хотел сказать что-то ещё и не сказал. За окном, за протоками, гудела река — Ксения теперь различала этот гул всегда, как различают храп в соседней комнате, — и ей вдруг стало ясно, что гул этот стал громче с вчерашнего вечера. Не потому, что река приблизилась.

Потому, что она теперь умела его слушать.

Спала она плохо. Ей снился счёт — обычный, квитанция, как за свет, — только в графе «оплачено» стояла её фамилия, а графа «сумма» была пустой и тянулась вниз, за край бумаги, в чёрную воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.